

29. Teodorowicz, T. Poczajewska Uspienska Ławra i jeja swjaty-
ni. – Warszawa, 1930.
30. Wiedomost o mužyskich i żeńskich monastyryjach i obszczinach
za 1915 goda. – Pietrograd, 1915.
31. Zielinskij, W. Oczerki po istorii Poczajewskoj Ławry, – Poczajewskaja Ławra, 2000.
32. Zyrjanow, P. N. Russkije monastyri i monaszestwo w XIX i naczale XX wieka. – Moskwa, 1999.
33. Źeleźniakowicz, S. Istorija Jabłoczinskogo Swiatio-Onufrijewskogo monastyria. – Warszawa 1963. (maszynopis).
34. Źiljuk, S. I. Rosijska Prawoslawna Cerkwa na Wolini (1793–1917). – Źytomir, 1996.

**ОБРАЗ МИТРОПОЛИТА ИОСИФА (СЕМАШКО)
В БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИЦИСТИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕТИЦИИ ПРОТИВ КАНОНИЗАЦИИ)**

*А. Д. Гронский
(Минск, Беларусь)*

В конце 2015 г. на сайте «Change.org» была В. Воробьевым создана петиция под названием «Остановить канонизацию разрушителя белорусской церкви и учреждение праздника торжества РПЦ» [1]. Петиция базировалась на двух текстах С. Абломейко [анализ этих текстов см.: 2] и не только повторяла все ошибки и фальсификации этих текстов, но и добавляла собственные. Остановимся только на некоторых обвинениях, которые автор петиции обращает к митрополиту Иосифу (Семашко), поскольку для разбора иных фальсификаций объем исследования должен выйти за ограниченные рамки данного текста.

В петиции указываются достаточно распространенные обвинения митрополита в том, что он «инициировал инквизиторское сжи-

гание униатской церковной литературы, стародавних белорусских православных и униатских икон (в том числе и древнего, XI ст., Туровского Евангелия)» [1]. Обычно критики митрополита Иосифа не перечисляют сожженные им «святыни», т.к. настоящих святынь в списке сожженных книг и икон не было. В. Воробьев приводит в пример лишь Туровское Евангелие. Но о нем будет сказано ниже.

По приказу митрополита на самом деле были сожжены униатские служебные книги и некоторые иконы. Но не «стародавние белорусские православные», а униатские, не соответствовавшие православной традиции. Богослужебные книги являются инструментом богослужений, естественно, что использовать в православном богослужении униатские книги не представлялось возможным, т.к. в них с православной точки зрения существовали ошибки. Если подобного рода книги приходили в негодность по причине ветхого состояния или по причине содержания в них ошибок, они не выбрасывались, что было бы с точки зрения Церкви кощунством и осквернением. В Церкви существовала практика «предания стихиям», т.е. сжигания. Нужно отметить, что, если в православной служебной книге накапливались ошибки или она приходила в ветхость, её постигала такая же участь. Так что говорить о каком-то особом негативном отношении к униатской служебной литературе нет оснований. Помимо того, нужно учитывать, что определённое количество этих книг сожжено не было, оно было помещено в библиотеки или архивы для того, чтобы у исследователей был доступ к их изучению. Поэтому сохранение экземпляров для дальнейшего изучения нужно поставить в заслугу митрополиту Иосифу [4, с. 394–395]. То, что не противоречило православным нормам, использовалось далее. Например, икона, написанная в западном стиле, но представляющая сюжет, одинаково трактуемый в обеих конфессиях оставалась в храме, а написанная в православном стиле икона с изображением, например, униатского архиепископа Иосафата Кунцевича использоваться не могла.

Бывших униатских икон, распятий, плащаниц и прочих предметов культа оставалось в православных храмах очень много. Ещё больше этих предметов осело в музеях и частных коллекциях. Если же икона изначально была не униатской, а римо-католической, латинской, то такие иконы возвращались римо-католическому духовному начальству. (Ранее латинские иконы попадали в униатские храмы из упразднённых католических монастырей после восстания 1830–1831 гг.) [4. с. 394]. Также необходимо помнить, что сжиганием православных книг в XVI–XVII вв. широко занимались иезуиты, но они, в отличие от митрополита Иосифа, не оставляли экземпляры в библиотеках, чтобы потомки имели возможность изучить их.

Что же касается судьбы Туровского Евангелия, то автор петиции оперирует фальшивыми данными. Евангелие некто не сжигал. В настоящий момент Туровское Евангелие хранится в Библиотеке Академии наук Литвы. Найдено оно было в 1865 г. в Турове (откуда и пошло его название), причём найден не полный текст, а лишь 10 листов. Историю нахождения и публикацию текста сделали в Вильне в 1869 г. [6].

Еще одно обвинение митрополита Иосифа в уничтожении белорусских культурных ценностей В. Воробьев видит в пожаре в Смоленском церковно-археологическом музее: «В 1898 году был сожжен Смоленский церковно-археологический музей с белорусскими старопечатными изданиями, рукописями и документами» [1]. Автора петиции, видимо, ничуть не смущает, что музей сгорел в 1898 г., а митрополит Иосиф умер в 1868 г., т.е. между его смертью и пожаром в смоленском музее прошло ровно 30 лет.

Кстати, товарищ [т.е. заместитель – А.Г.] председателя Смоленской учёной архивной комиссии И. И. Орловский в 1908 г. прочитал доклад «О Смоленском Церковно-археологическом музее и Комитете», где указал, что «с прекращением деятельности Смоленского Церковно-археологического Комитета, вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств, Смоленский церковно-архе-

ологический музей пострадал от небрежного хранения и, наконец, сгорел в некоторой своей части» [3, с. 43]. Под «неблагоприятным стечением обстоятельств» понимался не поджог музея уже тридцать лет как скончавшимся митрополитом Литовским и Виленским Иосифом, а назначение на смоленскую кафедру в 1898 г. нового владыки – епископа Петра (Другова) (иногда упоминается как Дугов), «при котором для музея “настали черные дни гонений и забвения”». Владыка считал его существование обременительным и ненужным. В ноябре 1904 г. Смоленский преосвященный ходатайствовал перед св. Синодом о закрытии древлехранилища», но Синод отклонил ходатайство и решил, что «закрытие древлехранилища нежелательно» [5. с. 361–362]. Так что, похоже, что часть музея сгорела не по чьему-то злему умыслу, а по причине обычной халатности, которую проявили к экспонатам люди, не интересовавшиеся культурным наследием.

Приведенные примеры показывают уровень полемики противников канонизации митрополита Иосифа (Семашко). При невозможности найти конкретные факты «антибелорусской» деятельности владыки, его критика формируется путем вбрасывания фальсификаций, зачастую легко опровергаемых даже при самом поверхностном знакомстве с материалом.

Источники и литература

1. Вараб'ёў У. Остановить канонизацию разрушителя белорусской церкви и учреждение праздника торжества РПЦ // Глобальная платформа для ваших кампаний Change.org. URL: <https://www.change.org>. (дата обращения: 12.01.2018).

2. Гронский А.Д. Формирование современного политического мифа об унии (на примере публицистики Сергея Абломейко) // Конфессиональная история российско-белорусского приграничья конца XIX – середины XX вв: институты, практики, идентичности. Сбор-

ник материалов международной научной конференции / под ред. М. В. Каиля. – Смоленск: Изд-во СмолГУ 2019. – С. 188–199.

3. Отчет о деятельности Смоленской ученой архивной комиссии за первый год ее существования: (3 апреля 1908 г. – 3 апреля 1909 г.). – Смоленск: Типография П.А. Силина, 1910. – 58 с.

4. Романчук А., протоиерей. Митрополит Иосиф (Семашко): очерк жизни и церковно-общественной деятельности. – М.– Минск: Издание Общества любителей церковной истории, 2015. – 448 с.

5. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII–начала XX вв. Сборник документов. – М.: Б.и., 1997. – 396 с.

6. Туровское евангелие одиннадцатого века. Редакция текста и объяснения П.А. Гильтебрандта. – Вильна: Печатня А.Г. Сыркина, 1869. – X + 20 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ
МОДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ЕПАРХИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

*П. В. Шевкун
(Витебск, Беларусь)*

В конце XVIII в. социальные изменения в Европе вышли на политический уровень. Стремительно разрушались сословные барьеры, аристократия лишалась монополии на управление, развивался институт частной собственности. Тенденции демократизации и индивидуализации, проявившиеся в западноевропейских странах, затронули и Российскую империю. Со времени Павла I усиливалась тенденция, в рамках которой сословия должны быть «прозрачными» для государства. Это подразумевало сбор социальных данных, выстраивание гра-